

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-66-71>

Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия

В. В. Кресс

кандидат юридических наук,
председатель Арбитражного суда Московского округа.
Адрес: Арбитражный суд Московского округа,
127994, Москва, Селезневская ул., д. 9.
E-mail: f05.vkress@arbitr.ru

Digital Rights, Digital Financial Assets, Digital Currency and Cryptocurrency: Problems of Legal Content and Interaction

V. V. Kress

PhD in Law,
Chairman of the Arbitration Court of Moscow District.
Address: Arbitration Court of Moscow District,
9 Seleznevskaya str., Moscow, 127994, Russian Federation.
E-mail: f05.vkress@arbitr.ru

Аннотация

Данная статья ставит своей целью осмысление содержания цифровых прав, цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалюты. Представители юридической науки пока не смогли прийти к единому мнению относительно сущности этих явлений. Цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта претерпели существенные изменения, перейдя из категории общественных отношений (а именно отношений обладателей этих прав с их эмитентами (регуляторами) и иными лицами, складывающихся фактически исключительно стихийно) в категорию института действующего законодательства. Так, криптовалюта стала одним из видов цифровой валюты, а цифровая валюта не подчиняется нормам цифрового права. В статье критикуется законодательное определение цифровых прав, закрепляющее одновременно принцип легалитета и перечень юридических признаков цифрового характера права.

Ключевые слова: вещные права, обязательственные права, цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта.

Abstract

This article aims to understand the content of digital rights, digital financial assets, digital currency and cryptocurrencies. Representatives of legal science have not yet been able to come to a consensus. Having moved from the category of exclusively spontaneous social relations, the relations of their holders with their issuers (regulators) and other persons into the category of the institution of current legislation, digital rights, digital financial assets and digital currency have undergone significant changes. So cryptocurrency has become one of the types of digital currency, and digital currency is not a digital right. The article criticizes the legislative definition of digital rights, which enshrines both the principle of legality and the list of legal signs of the digital nature of the right

Keywords: proprietary rights, binding rights, digital rights, digital financial assets, utilitarian digital rights, digital currency, cryptocurrency.

Противоречие между отражением реального мира общественных отношений в «идеальном» мире правового регулирования и самим «идеальным» миром правовых норм заключается в отсутствии однозначного ответа на вопрос о том, должны ли нормы правового регулирования соответствовать нормам реальных, фактически

сложившихся общественных отношений. Как верно отметил в этой связи коллектив исследователей, правовое регулирование должно сохранять свойства технологической нейтральности, а не брать на себя функцию пошаговой инструкции

для постоянно устаревающих технических новинок¹.

Очевидно, что право является средством регулирования общественных отношений и не может быть простым его отражением, но при этом его общественная природа сообщает ему необходимость развиваться одновременно с предметом регулирования. С одной стороны, право в идеале является выражением интересов членов общества, но с другой – очевидно, что это выражение общей воли далеко не всегда соответствует интересам конкретного частного лица в конкретных жизненных ситуациях. Задача права состоит в том, чтобы, реагируя на изменения в общественных отношениях и предвосхищая их, регулировать общественные отношения в интересах личности, общества и государства [8].

По мере развития частного права граница между вещными и обязательственными правоотношениями становится все более прозрачной. Хрестоматийным примером являются правоотношения сторон договора аренды или залога, траста, предполагающие сочетание обязательственного и вещно-правового аспекта. Разделение юридической фигуры собственника и лица, выполняющего его функции, сообщает сугубо вещным правоотношениям элемент обязательства – обладатель предусмотренного законом ограниченного вещного права (часть 1 статьи 216 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК РФ), арендатор, залогодержатель, доверительный управляющий (статья 1012 ГК РФ) связаны обязательством с собственником имущества. Вещно-правовые отношения – отношения обладателей объектов физического мира (носителей права собственности и иных законных прав на них) друг с другом и с неопределенным кругом лиц – дополнены с некоторого времени отношениями обладателей цифровых объектов. Поскольку и физические, и цифровые объекты являются объектами гражданских прав, постольку они имеют общие черты в правовом регулировании. Однако, в отличие от объектов физического мира, количество цифровых объектов бесконечно.

¹ См.: Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. – М. : ИЗИСП, Норма, 2022.

Подобно тому, как относительные правоотношения строились на основе купли-продажи, по аналогии с ней абсолютные правоотношения развивались на примере вещей как первичных объектов гражданского оборота. Говоря конкретнее, правовой режим вещей оказывал влияние на правовой режим иных объектов гражданских прав (прав требования, нематериальных благ, интеллектуальной собственности и т. д.). Цифровые права также, очевидно, испытывают на себе влияние вещного права, в том числе и проникновение обязательственно-правовых элементов.

В соответствии с марксистским учением о базисе и надстройке первичным является влияние базиса на надстройку, что не исключает определенного влияния надстройки на базис, которое тем не менее вторично. Именно поэтому обоснованным представляется мнение, высказанное А. Е. Шерстобитовым: появление цифровых прав требует прежде всего изучения его природы, поскольку именно она должна оказывать решающее влияние на правовой режим цифрового права [11]. По мнению Б. А. Шахназарова, в случае с диджитализацией имеет место даже не традиционное опережение общественными отношениями развития правового регулирования, но опережение ими даже осмысления того, каковыми являются суть «...соответствующих отношений, уровень их масштабности и правовых последствий для целей принятия отдельного правового регулирования» [10].

Действующее законодательство (статья 141.1 ГК РФ) основано на **презумпции законности права обладателя фактической возможности распоряжения цифровым** правом, которая может быть изменена лишь законом или на основе предусмотренных им оснований. Это выражение принципа «код – это закон» (the code is the law), согласно которому физическая принадлежность объектов гражданских прав лицу презюмируется законной. Российский законодатель оставил за собой право ввести исключения из данного принципа.

Кроме того, действующее законодательство закрепляет в отношении цифровых прав принцип **легалитета**, согласно которому характеристику цифровым правам может придать просто прямое указание закона.

Одновременно, согласно статье 141.1 ГК РФ, характеристика прав в качестве цифровых определяется их фактическим существованием исключительно в рамках информационной систе-

мы, поэтому реализация этих прав, распоряжение ими (ограничение распоряжением) возможны исключительно в ней без обращения к третьему лицу. Действующими в ней правилами определяются их содержание и условия осуществления.

В данном случае, по мнению автора статьи, возникает противоречие – с одной стороны, между принципом легалитета, который признает цифровой характер за любым правоотношением в случае указания на то в законе, а с другой – формулировкой закона, называющего юридически значимые признаки цифрового права, на основе которых можно судить о цифровом характере того или иного права. Большинство исследователей, конечно, согласятся с тем, что приоритет в данном конкретном случае за принципом легалитета: если право не названо в законе в качестве цифрового, то даже соответствие его в остальном критериям цифрового права не делает право цифровым.

Например, Е. Н. Абрамова считает, что отсутствие прямого указания на цифровой характер того или иного права в законе само по себе означает отсутствие у него качества цифрового. «Такое право, – пишет она, – если оно не поименовано в законе в качестве цифрового права, для законодателя остается несуществующим, невидимым, несмотря на его распространение на практике» [1].

Но как же быть в случае, если закон называет цифровым правоотношение, не соответствующее указанным в статье 141.1 ГК РФ признакам? Не вполне понятен смысл установления нормами ГК РФ еще и материального критерия отнесения права к цифровому в дополнение к прямому указанию закона на цифровой характер того или иного права.

Данное противоречие нельзя назвать новым для российского законодательства – схожий конфликт возникает, например, при определении имущества в качестве недвижимого (так называемая проблема «оценочного произвола»)¹ и при определении участка недр в качестве участка недр федерального значения (противоречие между включением его в соответствующий перечень и установленными законом критериями участка недр федерального значения) [2].

В любом случае правомерно говорить о наличии двух категорий цифровых прав в российском законодательстве – цифровых финансовых активах (далее – ЦФА) и утилитарных цифровых правах – в силу того, что федеральные законы прямо относят их к таковым.

Согласно части 2 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – ФЗ «О ЦФА»), цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые включают в себя целый ряд прав (право требования денежных средств, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг), которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном этим законом, и выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра и в иные информационные системы.

К утилитарным цифровым правам в соответствии с положениями этого же закона относятся права кредитора на передачу вещей, выполнение работ, оказание услуг, а также на передачу ему исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования.

Г. А. Вакулина обращает внимание на то, что исполнение обязательства по передаче вещи производится не в киберпространстве, а в реальном мире, вопреки норме ФЗ «О ЦФА», которой предусмотрена возможность осуществления утилитарных цифровых прав только на инвестиционной платформе [3]. Вместе с тем необходимо обратить внимание, во-первых, на то, что цитируемый закон в части 1 статьи 8 указывает лишь на возможность приобретения, отчуждения и осуществления утилитарных цифровых прав, а во-вторых, на то, что к категории утилитарных цифровых прав относятся исключительно права требования. То есть приобретаются не сами вещи, но право требовать их передачи.

¹ Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / Р. А. Курбанов, О. А. Рузакова [и др.]. – М. : Проспект, 2020.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.

К цифровым правам не относится цифровая валюта. Согласно части 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА», она может юридически существовать как совокупность электронных данных, которые содержатся в информационной системе и предлагаются (или могут приниматься) как средство платежа или инвестиция. Имманентным признаком цифровой валюты является отсутствие лица, несущего обязательства перед каждым ее обладателем, кроме оператора и (или) узлов информационной системы, которые обязаны только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам. Под узлами информационной системы Федеральный закон «О ЦФА» понимает пользователей информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающего тождественность информации, содержащейся в указанной информационной системе, процедурам подтверждения действительности вносимых в нее или изменяемых в ней записей.

Л. А. Новоселова обращает внимание на отсутствие в ФЗ «О ЦФА» требований к информационным системам, в которых обращаются ЦФА и правилами которых определяются содержание и условия осуществления цифровых прав, являющихся ЦФА [2]. Р. А. Курбанов и К. И. Налетов считают эти правила полноценными инструментами частноправового регулирования [4].

При этом цифровая валюта, согласно данному федеральному закону, не является ни денежной единицей какого-либо государства, ни международной денежной (расчетной) единицей. В связи с этим возникает вопрос о соотношении юридического понятия цифровой валюты с криптовалютой.

Обычно в числе значимых отличий криптовалюты от цифровой валюты называют: 1) эмитента (исключительным правом на эмиссию цифровых валют обладает государство, тогда как эмитент криптовалют неочевиден); 2) отсутствие обеспечения криптовалюты активами государства, в отличие от цифровой валюты; 3) принципиальную возможность майнинга криптовалют (криптовалюта может быть получена путем майнинга, тогда как добыча цифровой валюты таким способом невозможна по определению; безусловно, некоторые криптовалюты могут и не предусматривать майнинга, а некоторые, например, Ethereum, майнить уже невозможно, что рано

или поздно ждет и биткоин); 4) анонимность платежей в криптовалюте и, напротив, прозрачность транзакций в цифровой валюте [5].

Однако ввиду уже отмеченной в начале данной статьи непредсказуемости развития цифровизации национально-правовые режимы криптовалюты и цифровой валюты характеризуются не меньшим релятивизмом. Это хорошо видно на примере отечественного status quo криптовалюты и цифровых валют.

Например, отказывая ЦФА в юридическом качестве цифровой валюты, Л. А. Новоселова указывает на наличие записей в информационной системе, которые вносятся без участия владельцев, тогда как классическая цифровая валюта, по ее мнению, в принципе не предполагает «фигуры центрального посредника» [2]. Между тем классические цифровые валюты как раз централизованы, их операторами являются центральные банки государств.

Традиционная точка зрения состоит в том, что как раз криптовалюта в отличие от цифровой валюты не имеет эмитента, децентрализована и ее оборот не регулируется государством.

Суды общей юрисдикции склонны отождествлять цифровую валюту с криптовалютой¹.

Взгляды исследователей на функции криптовалют достаточно критичны. Так, Е. А. Суханов полагает, что криптовалюта (биткойны, цифровой рубль и т. п.) может выполнять некоторые экономические функции платежного средства, но юридически она не является ни валютой, ни деньгами, представляя собой лишь один из возможных способов неденежных расчетов [9]. М. Г. Мехтиев, предметно исследовавший вопрос об отнесении криптовалют к категории валюты, указал, что они не способны выполнять ряд функций валют, в частности, функцию капиталовложения, и пришел к выводу о том, что криптовалюты могут использоваться в качестве системы перевода денежных средств или производного финансового инструмента [6].

Действительно, российской цифровой валюте имманентна фигура оператора, задача которого – обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) запи-

¹ Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 21 июня 2023 г. по делу N 2-1285/2023 (опубликовано в СПС «КонсультантПлюс»).

сей в такую информационную систему по ее правилам (часть 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА»).

Функция оператора криптовалюты сводится к обеспечению соответствия процедуры эмиссии и регистрации возникновения и изменения записей о переходе прав на криптовалюту в соответствующей информационной системе.

Исходя из определения цифровой валюты, данного в части 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА», российский законодатель решил совместить признаки традиционной централизованной цифровой валюты и криптовалюты.

Напомним, что, согласно приведенной норме, цифровая валюта предлагается и (или) может приниматься как средство платежа или инвестиция, не являясь денежной единицей какого-либо государства и (или) международной денежной (расчетной) единицей. Например, цифровой рубль сам по себе не является валютой Российской Федерации, юридически представляя собой одну из форм рубля (наряду с наличным и безналичным).

В свою очередь, оператор и (или) пользователи информационной системы на основе распределенного реестра обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам. Данное условие, с одной стороны, сближает цифровые валюты по российскому праву с криптовалютами, которые, как правило, не имеют регулятора (будь то орган государственной власти, институт международной организации или частное лицо), а с другой – сохраняет возможность эмиссии централизованных цифровых валют Центральным банком Российской Федерации.

Вместе с тем перечень обязанностей пользователей цифровой валюты в отношении нее, введенный ФЗ «О ЦФА», несколько противоречив.

В то же время часть 1 статьи 8 данного закона ограничивает обязанности пользователей цифровой валюты обеспечением соответствия порядка ее эмиссии и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам.

В то же время часть 8 той же статьи возлагает на них иной объем обязанностей – обеспечивать тождественность информации, содержащейся в соответствующей информационной системе, с использованием процедур подтверждения

действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей.

Поскольку гражданское законодательство не характеризует цифровые права ни в качестве вещных, ни в качестве обязательственных прав, очевидно, что они имеют как вещный, так и обязательственно-правовой аспект. И утилитарные цифровые права, и цифровые финансовые активы представляют собой права требования кредиторов к должникам.

Напротив, права владельцев цифровых валют и криптовалютных активов являются вещными правами в чистом виде, поскольку обладание криптовалютными активами не сообщает ни пользователям операционной системы, ни операторам никаких обязательств друг перед другом.

Не вполне очевиден смысл установления законодательством одновременно и требования прямого указания закона на цифровой характер права, и материальных критериев цифрового права – если то или иное право в законе не названо цифровым, то соответствие цифрового права материальному критерию юридически безразлично. Например, цифровая валюта, имея, в соответствии с ФЗ «О ЦФА», все материальные признаки цифрового права, не определена в качестве цифрового права федеральным законом и, соответственно, не относится к цифровым правам. Возникает вопрос о смысле установления ФЗ «О ЦФА» материальных критериев отнесения того или иного права к категории цифровых прав.

ФЗ «О ЦФА» отражает не вполне традиционное соотношение цифровых валют и криптовалют. Криптовалюта, подпадающая под действие его норм, является, по сути, одной из форм цифровой валюты. Определение цифровой валюты в данном законе охватывает и классические «централизованные» цифровые валюты, и криптовалюты, которые «управляются» пользователями на основе системы «блокчейн».

Вместе с тем, учитывая отсутствие требования ФЗ «О ЦФА» к содержанию правил информационных систем, в структуре которых обращаются цифровые финансовые активы и цифровая валюта, и учитывая, что эти правила однозначно являются полноценными инструментами регулирования отношений в сфере их оборота, они вполне могут изменить сложившееся положение.

Список литературы

1. *Абрамова Е. Н.* Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // *Право и экономика*. – 2023. – № 7. – С. 26–31.
2. *Бормашева К.* и др. оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский, М. Жужжалов, М. Башкатов, Д. Огородов, Г. Есаков, Д. Кириллов, М. Успенский // *Закон*. – 2020. – № 12. – С. 17–28.
3. *Вакулина Г. А.* О видах цифровых прав // *Хозяйство и право*. – 2023. – № 6. – С. 3–12.
4. *Курбанов Р. А., Налетов К. И.* Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // *Журнал российского права*. – 2022. – № 12. – С. 45–57.
5. *Мехтиев М. Г.* Международные финансовые механизмы: криптовалюта vs Swift // *Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 2 июня 2016 года*. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 158–166.
6. *Мехтиев М. Г.* Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 40–41.
7. *Налетов К. И.* Разведка и добыча нефти и газа: проблемы соотношения публичного и частного права // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2023. – № 2. – С. 52–57.
8. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Г. М. Азнагулова [и др.]. – М. : Инфра-М, 2023.
9. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
10. *Шахназаров Б. А.* NFT как способ фиксации имущественных и личных неимущественных прав в условиях цифровизации общества // *Право и цифровая экономика*. – 2022. – № 3. – С. 12–21.
11. *Шерстобитов А. Е.* Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // *Проблемы современного гражданского права: сб. ст. памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения)* / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2021. – С. 230–241.